

Луна достигла зенита.

Линь Му замер перед дверями заведения, которое и внешне, и по названию подозрительно напоминало веселый дом, и в этот миг его вера в здравый смысл этого мира окончательно пошатнулась.

С балкона второго этажа, над которым вызывающе покачивалась вывеска «Павильон Фужун», стайка разряженных девиц восторженно махала ему шелковыми платками. Их звонкий смех, подобно серебряным колокольчикам, разлетался в ночном воздухе.

— Господин, доброго пути! Обязательно заходите к нам снова!

— Господин...

Порыв холодного осеннего ветра хлестнул по лицу, принося с собой странное, доселе незнакомое чувство. Юноша ощутил необъяснимую уязвимость, словно его выставили нагишом посреди людной площади.

Он молча поправил воротник.

Опустив взгляд, Линь Му увидел свои руки: пальцы стали тонкими и изящными, а кожа — гладкой, точно безупречный нефрит. Казалось, пока он был в беспамятстве, кто-то отрубил ему старые кисти и приставил новые.

Юноша невольно сделал то, что в последний месяц вошло у него в привычку — приложил пальцы к виску, надеясь унять назревающую головную боль.

Но стоило ему коснуться кожи, как он замер.

Собственные руки и лицо словно перестали узнавать друг друга. Раньше его плоть напоминала кусок нефрита, который годы лишений превратили в обветренный булыжник. Теперь же кто-то тщательно отшлифовал этот камень, сняв слой за слоем вековую пыль и шрамы, и вернул ему первозданное сияние.

Прошло всего два дня.

Он очнулся в совершенно незнакомом месте, в ситуации, не поддающейся логике, да еще и обнаружил, что его тело подвергли радикальной «реставрации». Ощущение того, что с него заживо содрали старую кожу, заменив ее новой, становилось почти осязаемым.

Линь Му прикрыл глаза, не желая даже представлять, как теперь выглядят остальные части его тела.

«Старший Гу, — произнес он бесцветным голосом, — что именно вы со мной сотворили?»

«Да ничего особенного, — беспечно отозвался Гу Суйчжи, словно речь шла о пустяковой прогулке за продуктами. — Купил тебе немного одежды, пару украшений... ну и так, по мелочи всякого набрал».

«А то, что было сейчас?..»

«А, это! Обычный для Царства Линьюэ оздоровительный центр. Профессиональный массаж и полный релакс. Ты ведь выбился из сил, вот я и решил подыскать место, где твоё тело сможет как следует отдохнуть».

Гу Суйчжи весело махнул рукой, отмечая все возражения.

«Мои руки...»

«Разве не чудесно вышло? — Собеседник явно был доволен собой. — Я велел им использовать лучшие мази, чтобы свести шрамы за один раз. Эффект налицо, камни потрачены не зря!»

Старший так искренне восхищался результатом работы, над которым мастерицы трудились полночи, что Линь Му лишь молча разглядывал свои ладони. Неужели вопрос был только в шрамах?

В последний раз его кожа была такой белой, наверное, лишь когда он только родился. А уж о том, чтобы ощущать малейшее дуновение ветра так остро... такого опыта у него не было никогда.

Гу Суйчжи, почувствовав его замешательство, недовольно цокнул языком и принялся поучать:

«Руки — это второе лицо мужчины! Ты ведь мечник, неужели не понимаешь, как важна чувствительность пальцев? Теперь всё идеально, а ты только и думаешь, красиво это или нет!»

Это было наглое передергивание фактов.

Видя, что юноша едва сдерживает гнев, Гу Суйчжи «проанализировал» его состояние и, решив, что нашел причину, милостиво добавил:

«Да не переживай ты так. Одежду я тебе менял сам, ни одна из девиц к тебе и пальцем не

прикоснулась. Даже мерки я снимал лично. Клянусь, никто и волоска на твоей голове не осквернил, так что спи спокойно».

Он говорил с таким достоинством и апломбом, точно был самым надежным наставником на свете. Хотя на деле именно этот человек внушал больше всего опасений.

Линь Му резко сжал кулаки, пытаясь подавить вспышку жгучего стыда.

«Больше никогда... Слышишь? Никогда в жизни нельзя терять сознание!»

Иначе в следующий раз он может очнуться бог знает где, обнаружив, что Гу Суйчжи сотворил с его телом нечто еще более невообразимое.

Линь Му потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Подхватив меч, он вознамерился как можно быстрее покинуть это злополучное место.

Однако стоило ему сделать шаг, как из его рукава раздался чистый, мелодичный звон.

Динь-линь-линь...

Юноша замер. Закатав рукав, он обнажил бледное, точно точеное, запястье. Не желая на него смотреть, он нащупал золотую кисть.

Звон стал еще отчетливее.

Шнурок был плотно обмотан вокруг руки. Линь Му начал распутывать нити, намереваясь сорвать украшение.

«Это стоит сотню высших духовных камней», — лениво обронил Гу Суйчжи.

Рука застыла.

«Выбрасывай, если хочешь. У меня там еще десяток таких припасено. Избавишься от этой — завтра надену тебе красную».

Линь Му опустил руку, оставив кисть в покое. Совладать с этим упрямством было невозможно.

«Старший, зачем вы вообще всё это накупили?» — выдохнул он с долей отчаяния.

«Мне нравится, — просто ответил собеседник. — Тебе очень идет».

Линь Му: «...»

«Правда?»

«Я там еще один нефритовый амулет присмотрел, дивной красоты. Жаль, остался только из холодного нефрита, тебе он не подходит. Найду из согревающего — обязательно куплю».

Гу Суйчжи, не нагулявшийся за день, явно предвкушал следующий поход по лавкам.

Линь Му всерьез засомневался: как человек с таким характером умудрился скопить столько богатств? Или же...

Он внимательно посмотрел на золотую кисть на запястье. Тонкие нити, холодные и скользкие, подобно воде, струились между пальцами.

Линь Му поднес руку к лицу.

Знакомый аромат снежного лотоса коснулся обоняния. Тот самый запах, которым был пропитан мешочек Танси Юйфэна.

В мире заклинателей существовали особые мастера благовоний. В отличие от обычных парфюмеров, их изделия обладали уникальными свойствами: они могли очищать разум или успокаивать дух. В чем-то их искусство было сродни алхимии.

Вот только их творения нельзя было употреблять внутрь — они предназначались для того, чтобы наделять вещи стойким магическим эффектом. За некоторые составы алхимика просили баснословные суммы.

Например, за такой аромат, как этот — способный прояснить сознание даже тому, кто балансирует на грани демонического безумия.

Стало ясно, что Гу Суйчжи купил это не ради забавы.

Да и новый наряд... Помимо внешней роскоши, он обладал защитой от огня и влаги, согревал в стужу и дарил прохладу в зной. Это был не просто красивый наряд.

Остатки неловкости в душе Линь Му рассеялись.

Собеседник утверждал, что его золото и камни нужны лишь для того, чтобы на них спать. В его пещере не было ничего, кроме груды сокровищ и меча, и он явно не отличался страстью к покупкам. А значит...

Это была забота. Пусть и в весьма специфической форме.

«Старший, в следующий раз, если вы... захотите сделать что-то подобное... не могли бы вы сначала посоветоваться со мной?»

«Так я советовался! Перед тем как переодеть тебя, я трижды спросил: «Можно ли снять с тебя одежду?» Ты молчал. А мастера снаружи ждали, вот мне и пришлось взять инициативу в свои руки. И перед тем как зайти в эту лавку, я тоже интересовался твоим мнением. Так что это не я самовольничал, а ты...»

«Довольно, — перебил его Линь Му, — не продолжайте».

Спорить с Гу Суйчжи было ошибкой. Его не переспорить.

Юноша всерьез опасался, что если они продолт, Старший начнет во всех подробностях расписывать процесс переодевания — от расстегивания пояса до последнего узелка.

Он постарался взять себя в руки и сосредоточиться на деле.

«Старший, вы упомянули, что мы в Царстве Линьюэ?»

«Именно так».

В мире заклинателей существовали тысячи школ. На востоке правили Шестнадцать островов, на западе почитали Три горы, север был во власти Трех великих сект, а на юге безраздельно властвовали Пять государств.

Царство Линьюэ было жемчужиной этого южного союза.

Линь Му припомнил всё, что знал об этой стране, и его мысли окончательно прояснились.

Линьюэ граничило с непроходимыми лесами юга; здесь процветала магия гу и колдовство у. Поговаривали, что даже члены императорской семьи баловались разведением насекомых, а государственные наставники из поколения в поколение выходили из одной школы мастеров ядов.

Он знал об этом лишь потому, что в прошлой жизни на «Пиру в море персиковых цветов» ему довелось схлестнуться в поединке с одним из принцев этого государства. Тот бой запомнился ему надолго: тысячи насекомых, ковром покрывавшие тело противника, были зрелищем не для слабонервных.

Кроме того, эта страна славилась еще одной вещью.

«Вспомнил, да? — в голосе Гу Суйчжи послышалась усмешка. — Цветок Линьюэ».

«Если принять его вместе с Нефритовым персиковым цветком, можно полностью очистить меридианы от примесей. Нефрит можно добыть на аукционе, а вот цветок — это государственное достояние Линьюэ. Его не купить за золото».

Гу Суйчжи не выбирал путь наобум. Его целью с самого начала был этот цветок.

Раз его считали сокровищем целой страны, эффект должен быть поразительным. Цветок Линьюэ оправдывал свою славу: он не только очищал тело, но и расширял каналы, считаясь лучшим средством для укрепления меридианов.

«В твоём теле сейчас полнейший хаос. Ошметки холодной ци, застойные узлы... Всё это нужно немедленно вычистить. Иначе не успеешь оглянуться, как придет зима, и при первых холодах ты взвоешь от боли».

«К тому же, — продолжал собеседник, — ты слишком быстро поднял свой уровень. Основы у тебя крепкие, но ты буквально подстегивал свой рост. Даже самые лучшие духовные корни не выдержат такого обращения. Тебе нужна пауза, и Цветок Линьюэ — идеальное средство для восстановления».

Линь Му и сам понимал ценность этого сокровища, но...

«Старший, достать его будет непросто».

«Не волнуйся, я уже всё разведal. У императора Линьюэ пропала какая-то ценная побрякушка, и он объявил награду. Тот, кто вернет пропажу, может просить о чем угодно. Говорят, он готов отдать всё, кроме трона и императрицы».

Линь Му нахмурился:

«Какое удачное совпадение».

«Никакого совпадения, золотце. Этот указ висит там уже больше тридцати лет. И вообще, верь в свою удачу. Если не станешь нарываться на неприятности с Небесным Дао, твой путь будет становиться всё легче».

Гу Суйчжи на мгновение задумался, а затем добавил:

«Помнишь, я говорил, что Небесное Дао — та еще скотина? Оно обожает играть в «равновесие», так что...»

«Так что?»

«Сам увидишь, когда возьмешь задание, — Гу Суйчжи внезапно замолчал, не желая продолжать. Он лишь усмехнулся, засунув руки в карманы с видом беспечного гуляки. — Сейчас мои предсказания могут и не сбыться».

Линь Му догадывался, о чем идет речь, и не стал настаивать. Прижав меч к груди, он зашагал по длинной улице.

Ночь еще не кончилась, и край ее казался бескрайним. Большинство лавок уже закрылись, и лишь бледная луна заливала город серебристым светом.

Она тянула за собой длинную тень юноши.

«Как бы то ни было, — произнес Гу Суйчжи, — сейчас нужно найти ночлег. А завтра заглянем на аукцион за Нефритовым персиковым цветом. Тут как повезет: иногда его продают каждый день, а иногда можно и полмесяца прождать».

«Хорошо».

«И чего ты этот меч к себе прижал? Так любишь его? Закинь за спину».

Линь Му послушно закрепил меч вперевязи на спине.

«Ах да, я там еще ленту для волос купил... Наденешь потом, я посмотрю».

«Хорошо».

Их негромкие голоса уносил ветер, тая в ночи. А на другом конце мира атмосфера была далека от столь мирной.

На пустынном, заросшем склоне в сотне миль от Дивного края Хуами.

Здесь, среди густых зарослей, куда редко ступала нога человека, притаилась крошечная хижина. Заросшая тропа к ней едва угадывалась в высокой траве.

Танси Юйфэн лежал на жестком деревянном настиле. Всё его тело ныло, точно кости перемалывали в жерновах; его колотила дрожь от холода и голода.

Голод?

Он уже сотни лет не знал этого чувства.

С того момента, как он достиг стадии Создания основ, его рационом были лишь духовные плоды и эликсиры. Он забыл, что такое смена времен года, забыл чувство сытости и пустоты в желудке.

Старший ученик никогда в жизни не голодал.

И он боялся даже представить, на что он сейчас похож.

Раненый отчаянно хотел спросить Мо Чжияня: раз уж они выбрались из того ада, почему они не вернулись в Дивный край? Зачем он привез его сюда? Его раны были смертельно опасны и требовали немедленного вмешательства.

Особенно его Зарождающаяся душа.

С каждой минутой он чувствовал, как остатки духовных сил покидают его тело. Если так пойдет и дальше, то даже в случае исцеления он останется калекой, и его путь заклинателя будет навсегда прерван.

Его язык, его руки... Состояние ухудшалось с каждым днем, ледяной холод не отступал ни на миг. Если не найти мастера-алхимика, он потеряет всё.

Как он мог смириться с этим?

Но мечник не мог говорить, не мог писать, не мог передать мысль. Любая попытка позвать на помощь оборачивалась лишь невнятным, жутким хрипом. Он стал монстром, которого никто не слышал.

Бросив его здесь, Мо Чжиянь активировал охранный артефакт и ушел. С тех пор юноша не возвращался.

Юйфэн изнывал от тревоги, но был бессилён.

Стук!

Дверь распахнулась, и холодный ночной воздух вместе с запахом сырой земли ворвался в комнату.

Танси Юйфэн с трудом повернул голову.

В дверном проеме замер силуэт Мо Чжияня.

От того жалкого, перепуганного юноши в лохмотьях, каким он был два дня назад, не осталось и следа. Одежды его были чисты, а ссадины на лице затянулись.

Он смотрел на раненого с улыбкой, и ямочки на его щеках придавали ему вид послушного и невинного юноши. Одним движением рукава он являл собой образ благородного молодого господина, выросшего в неге и достатке.

Его облик разительно контрастировал с тем ужасом, в котором пребывал Юйфэн.

Мо Чжиянь подошел к ложу и, приподняв Танси Юйфэна, виновато произнес:

— Шисюн, прости, что задержался.

Его взгляд и голос были полны такой искренней печали, что мечник, брошенный в одиночестве на двое суток, едва не поверил ему.

Он хотел кричать, хотел спросить: почему они не дома? Почему он заперт здесь?!

И что, во имя всех богов, Мо Чжиянь задумал?!

— Не думай, что я не хотел забрать тебя в школу. Но твой вид... Шисюн, ты не представляешь, как сейчас настроены старейшины. Они и так меня недолюбливают. А если они увидят тебя, первого ученика, в таком состоянии после прогулки со мной... Они меня просто уничтожат. Ты ведь всегда заботился обо мне, ты ведь поймешь, правда?

Младший ученик говорил это как нечто само собой разумеющееся, привычно используя тон капризного брата.

Он знал: Танси Юйфэн всегда без памяти любил его, считая единственным ребенком своего учителя. Его преданность не знала границ.

Даже когда выяснилось, что Чжиянь не родной сын Бессмертного владыки Хуаюя, Юйфэн из жалости скрыл этот факт.

За одну эту слабость Мо Чжиянь, хоть и был в выигрыше, презирал его, считая неблагодарным глупцом.

Ведь когда Юйфэн был ребенком, учитель был слишком занят делами школы и просто бросил ему свиток с техниками, предоставив самому себе. Лишь госпожа Циньхуа, не выдержав этого зрелища, взяла мальчика под свое крыло и воспитала его. Всем, что у него было, он был обязан ей.

И всё же старший ученик молча смотрел, как она сходит с ума от тоски по родному сыну. Из ложного милосердия он не проронил ни слова, продолжая опекать Чжияня и лишь втайне терзаясь муками совести.

«Какой прок от твоих слез?» — с презрением думал Мо Чжиянь.

В мире романов святоши погибают первыми.

Если бы эта фальшивая добродетель Юйфэна не была ему на руку, он бы в жизни не стал связываться с таким человеком. Но раз тот так предан ему и готов на всё — пусть потерпит еще немного.

Разве не так Юйфэн вел себя весь путь до Южных земель?

— Я уже сообщил в школе, что ты отправился в странствие. Так что можешь спокойно лечиться здесь, ни о чем не беспокоясь.

Как только он усмирит раненого и заставит его выпить отвар из сока Зеленого лотоса девяти небес, останется лишь подождать семь раз по семь дней — сорок девять суток. И тогда он получит то, ради чего всё это затеял.

Мо Чжиянь был погружен в свои расчеты и не заметил, как Юйфэн внезапно замер.

Танси Юйфэн смотрел на него с таким недоумением, будто видел впервые в жизни.

Он действительно всегда уступал юноше, исполнял любое его желание, отдавал всё, что тот просил, без единого слова. В этой жизни это было еще терпимо, но в прошлой... он сделал для него столько, что и сам сбился со счета.

Он даже... встал на сторону Чжияня против Сяо Сюня.

Тогда мечник был слишком разочарован в Мо Сюне, считая, что тот пал и стал демоном. Он закрывал глаза на то, как Чжиянь травил и преследовал брата, загоняя того в угол.

Он потакал ему во всём.

Но посмотрите на него сейчас!

Он на грани смерти, он может навсегда остаться калекой, а Мо Чжиянь смеет говорить такие вещи? Кто дал ему право решать за него?!

— Давай, шисюн. Я лично упросил старейшину Юнь Гуя приготовить для тебя это лекарство. Пей, пока горячее. Как только поправишься, мы сразу вернемся домой.

Он лгал.

Когда чаша коснулась губ Юйфэна, тот отчетливо уловил запах Зеленого лотоса девяти небес.

Его зрачки сузились до размера игольного ушка. Для него это был не эликсир, а смертельный яд.

«Если поместить твоё сердце в сок Зеленого лотоса на сорок девять дней, его можно будет отдать Мо Чжияню».

«Шисюн, хочешь пари?»

Слова Линь Му отчетливо зазвучали в его голове.

В это мгновение Юйфэн осознал истинную цель Линь Му.

Если бы у него не было воспоминаний о прошлой жизни, он бы сейчас сгорал от невыносимой боли, разрываясь между предательством двух самых близких людей.

Но память была при нем. Он знал, что их пути с Линь Му давно разошлись, и больше не питал на его счет никаких надежд. А значит... не было и разочарования.

Вся его ненависть теперь была направлена на Мо Чжияня — того, кто действительно предал его.

Он отдал юноше всего себя, не имея ни единого корыстного помысла, лишь желая, чтобы этот неприкаянный младший брат прожил долгую и счастливую жизнь.

И чем же тот отплатил ему?

Линь Му вернул ему эти воспоминания, словно говоря:

«Смотри. Ты сам во всём виноват».

«Разве не это ты выбрал?»

Танси Юйфэн, задыхаясь от ярости, из последних сил толкнул Мо Чжияня. Чаша выскользнула из рук, и горячий отвар выплеснулся на юношу.

Мо Чжиянь никогда не отличался терпением. Он мог притворяться, пока ему что-то было нужно. Но теперь, когда Юйфэн был в его власти — зачем скрывать истинное лицо?

Он вскрикнул от боли, схватившись за обожженную руку:

— Ты что, с ума сошел?! Знаешь, сколько времени и камней я потратил, чтобы достать это лекарство? Я ведь не говорю, что мы не вернемся. Просто подожди пару дней! Кому ты строишь эти рожи?!

«Неужели он злится из-за этого?» — мелькнуло в сознании пленника.

Он чувствовал себя потерянным.

Оказывается, вот каково это — когда тебя обвиняют во всём подряд без тени сомнения. Вот каково это — не иметь возможности оправдаться. Оказывается...

Оказывается, он сам был таким же чудовищем.

Когда Мо Сюнь говорил, что Мо Чжиянь отравил госпожу Циньхуа, Юйфэн до последнего защищал его. Тогда Мо Сюнь лишь вздохнул и произнес:

«Шисюн, замолчи. Мо Чжиянь в глубине души уже смеется над твоей глупостью».

Он и впрямь был дураком.

Всё происходящее напоминало фарс, в котором он был лишь раскрашенным паяцем, прыгающим на потеху публике.

Мо Чжиянь все эти два дня не покладая рук искал Зеленый лотос. Чтобы не оставить следов, он действовал тайно, что сильно его замедлило. С огромным трудом он собрал запас на все сорок девять дней.

И вот — первая же чаша выбита из рук.

Сцепив зубы, он вышел, приготовил новую порцию и вернулся. Он снова попытался влить отвар в Юйфэна.

Тщетно. Соппротивление раненого превзошло все его ожидания.

— Да что с тобой такое?! — Мо Чжиянь окончательно потерял самообладание. Его лицо искажилось от гнева. — Неужели... неужели Мо Сюнь тебе что-то наплел, и ты теперь корчишь из себя обиженного?!

Танси Юйфэн смотрел на него в упор, не отводя взгляда.

«Даже если и так, что с того?»

У каждого ученика школы был Фонарь души. Если он умрет, его последние воспоминания вернутся в школу. Именно поэтому крупные секты не боялись отпускать учеников в мир.

Он не боялся, что Мо Чжиянь решит убить его здесь и сейчас.

В голове юноши вихрем проносились мысли. Он холодно усмехнулся:

— Похоже, здесь действительно произошло нечто, о чем я не знаю.

Такая пронизательность Мо Сюня не поддавалась никакому логическому объяснению. Но сейчас было не до Линь Му — нужно было решать насущный вопрос.

Подавив тревогу, Мо Чжиянь посмотрел на Юйфэна сверху вниз. Последние крохи притворной нежности исчезли с его лица.

— Знаешь ты или нет — мне всё равно. Ты выпьешь это, хочешь ты того или нет.

Спокойствие на лице мечника дрогнуло:

— Ты...

Мо Чжиянь схватил его за шею, заставляя задрать голову, и грубо разжал челюсти. Не обращая внимания на то, что отвар еще обжигал, он принялся вливать его прямо в глотку Юйфэна.

Раскаленная жидкость хлынула в рот, терзая незажившие раны, точно лезвие бритвы.

Танси Юйфэн отчаянно забился, издавая нечеловеческие, полные муки вопли. В припадке боли он сумел еще раз ударить по чаше головой.

Мо Чжиянь взорвался яростью и наотмашь ударил его по лицу.

— Не хочешь по-хорошему?! Я тут перед ним распинаюсь, лекарство варю, а он еще и ломается?!

Юйфэн отлетел к краю кровати, его тело безжизненно свесилось, а лицо и одежда были перепачканы темным отваром. Он смотрел в потолок пустым, мертвым взглядом.

Мо Чжиянь рывком вздернул его за воротник и снова запихнул чашу в рот, ледяным голосом приказав:

— ПЕЙ!

На следующий день вечером перед аукционным домом Хуэйло.

Линь Му, в одной руке держа пакет с жареными шариками, а в другой — охапку разноцветных кистей для меча, наконец завершил свой однодневный рейд по магазинам и прибыл к цели.

Гу Суйчжи всё еще пребывал в восторге:

«Те креветки в кляре были просто божественны! Аукцион продлится пару часов, верно? Ты наверняка проголодаешься. Давай после заглянем туда снова и возьмем еще фунт».

Линь Му ответил на автомате:

«Я не голоден».

«Зато Я голоден!»

«Вам просто хочется вкусенького!» — подумал юноша, но промолчал.

Старший не любил возиться с очисткой продуктов, поэтому сам не ел, предпочитая наслаждаться вкусом через него. А вот Линь Му за этот день съел столько, сколько хватило бы

на целую улицу.

Убрав сладости и кисти в пространственное хранилище в рукаве, юноша принял подобающий вид и направился к дверям аукциона.

Царство Линьюэ действительно отличалось от земель Дивного края Хуами. Здесь всё дышало роскошью и богатством, напроць лишенным той аскетичной возвышенности, что была присуща заклинателям.

Три яруса крыш Аукционного дома Хуэйло были украшены тысячами золотисто-красных фонарей в форме бумажных змеев. Они заливали ночное небо светом, ярким, как днем. Ковровая дорожка у входа тянулась на сотни метров.

Здание сияло позолотой, а вокруг кипела жизнь. Кареты прибывали одна за другой, среди них мелькали и редкие духовные звери. Эти существа были мирными, неспособными к магии или человеческой речи; их ценили лишь за скорость, выносливость и величественный вид. Именно поэтому их не причисляли к демонам, и они избежали истребления.

Среди толпы Линь Му вдруг заметил знакомый силуэт.

Высокий, стройный юноша в темно-фиолетовом наряде с серебряной вышивкой. Узкий пояс подчеркивал его стройную талию, на которой висел изящный мешочек из мифрила с золотым тиснением. Серебристо-серые волосы были заплетены в толстую косу, а вокруг него витала аура глубокого безразличия к миру.

Юань Чжунью. Шестой принц Линьюэ.

«Красив, не правда ли?» — вкрадчиво поинтересовался Гу Суйчжи.

«...Я смотрю на его мифриловое саше, — ответил Линь Му. — Это пространственный артефакт».

«О, значит, твой взгляд уже опустился до его талии?»

«...Там насекомые».

Гу Суйчжи проявил интерес и тоже присмотрелся.

«Специалист по гу? Любопытно. Когда-то заклинатели истребляли яо, удивительно, что этих любителей жуков не смели вместе со всеми».

Линь Му ничего об этом не знал.

Неподалеку Юань Чжунъю размял запястье и скучающим взглядом обвел толпу. Его взор на мгновение задержался на Линь Му.

Их глаза встретились.

В мире заклинателей поговаривали, что между гениями и их заклятыми врагами существует особая связь, которая тянет их друг к другу. Достаточно лишь искры, чтобы начался...

— О, господин! Не ожидала так скоро увидеть вас снова!

Мелодичный женский голос раздался за спиной Линь Му, сопровождаемый звоном украшений и волной цветочного аромата.

Рука юноши, потянувшаяся к мечу, замерла. Он обернулся.

Это была хозяйка Павильона Фужун. Одно ее появление мгновенно вызвало в памяти события прошлой ночи. Линь Му почувствовал, что ему не хватает воздуха.

Он не успел ничего сказать.

В этот момент в стороне остановилось еще несколько карет, из которых вышли нарядно одетые люди. Заметив Линь Му, они с радостными криками бросились к нему.

— Господин, какая встреча! Вы тоже на аукцион? Вот уж поистине судьба!

— Господин, довольны ли вы вчерашним обслуживанием госпожи Цзинь Мэй?

— Господин, заходите к нам почаще...

«Старший?..» — мысленно позвал Линь Му, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

«О, тот невысокий толстяк в черном жилете — владелец лавки тканей, — пояснил Гу Суйчжи, указывая на мужчину в традиционной шапочке. — А та женщина с красным цветком в волосах — хозяйка ювелирного салона. Дальше — торговец обувью, мастер благовоний, продавец вееров...»

Линь Му: «...»

«Правда?»

Почему ему казалось, что здесь что-то не так?

Не он один был озадачен. Юань Чжунъю, заинтригованный шумом, тоже остановился. Он редко выходил в свет и не знал этих людей, но их наряды и подбострастное поведение напомнили ему кое о ком...

— Господин, почему же вы ушли среди ночи? Неужели в нашем «Павильоне» вам что-то пришлось не по вкусу? Ах, какая досада! Скажите же мне, и мы немедленно исправимся!

Эти слова...

Линь Му видел, как выражение недоумения на лице Юань Чжунъю сменилось брезгливостью.

Целомудренный шестой принц одарил его взглядом, полным презрения — так смотрят на законченных повес, пропадающих в кварталах красных фонарей. Он демонстративно сделал шаг назад, явно потеряв всякое желание сражаться с таким человеком.

Словно спасаясь от чумы, принц развернулся и поспешно скрылся в толпе.

Линь Му: «...»

<http://bllate.org/book/15862/1437108>